

The background of the cover is a vibrant sunset sky in shades of orange and red. In the foreground, the dark silhouette of a person riding a horse is shown in profile, facing right. The horse is in a dynamic, rearing or galloping pose. The overall mood is dramatic and historical.

И.Г. Якушкин

**ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ
И КУЛЬТУРЫ РОССИИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Прометей

Иван Якушкин

**Лекции по истории общественной
жизни и культуры России**

«Прометей»

2019

УДК 930.1
ББК 63.3(2)71

Якушкин И. Г.

Лекции по истории общественной жизни и культуры России /
И. Г. Якушкин — «Прометей», 2019

ISBN 978-5-907166-45-5

Прямой потомок декабриста И. Якушкина, доктор физико-математических наук И.Г. Якушкин в своих лекциях излагает собственный взгляд на историю общественной жизни и культуры России, основанный на исторических и историко-литературных работах своего прадеда В.Е. Якушкина, материалах семейного архива и семейном предании. Автор предполагает, что высказываемая точка зрения на историю русской общественной жизни и культуры представляет интерес для читателя как отправная точка для дальнейшего чтения и размышлений. Одной из затронутых в работе тем является тема общественной жизни как социальном партнерстве, являющемся альтернативой социальной борьбы. Социальное партнерство особенно проявлялось в конце XVIII века, в эпоху Николая Новикова, в работе земских и городских учреждений, созданных реформами 1860-х годов, в деятельности благотворителей и меценатов на рубеже XX века. Увы, ни в дореволюционной России, ни позже партнерских отношений между властью и обществом не возникло, что и привело ко многим трагическим последствиям. Книга адресована широкому кругу читателей, в первую очередь – молодежи. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 930.1
ББК 63.3(2)71

ISBN 978-5-907166-45-5

© Якушкин И. Г., 2019

© Прометей, 2019

Содержание

От автора	6
Лекция 1	11
Лекция 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Иван Якушкин

Лекции по истории общественной жизни и культуры России

От автора

Эту работу автор посвящает памяти своего прадеда Вячеслава Евгеньевича Якушкина (1856–1912) – историка, филолога, журналиста, земского деятеля, члена ЦК партии Конституционных демократов, депутата Первой государственной Думы.

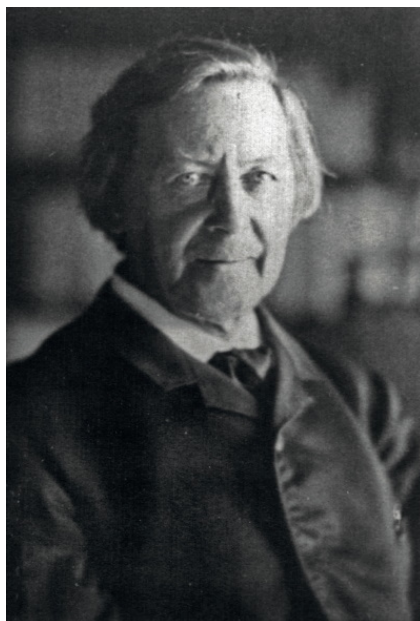
Вячеслав Евгеньевич Якушкин

В.Е. Якушкин был внуком одного из виднейших декабристов, участника Отечественной войны и заграничных походов 1812–1814 годов, автора знаменитых «Записок» Ивана Дмитриевича Якушкина и сыном крупного ученого – историка и юриста, общественного деятеля эпохи Великой Реформы Евгения Ивановича Якушкина. Типичный представитель московской интеллигенции, студент, а позже приват-доцент Московского университета, В.Е. Якушкин начинал как историк, исследователь русской земельной и крестьянской политики XVIII–XIX веков. Проблема «земли» и справедливого земельного законодательства с особой остротой воспринималась большинством русских людей того времени, без различия сословий, и, кроме того, соответствовала семейной традиции В.Е. Якушкина. Его дед, декабрист, после неудачной попытки освобождения крестьян в начале 1820-х годов, одним из первых высказал мысль об особом значении «земли» для русского крестьянина. На эту мысль обратил особое внимание Ф.М. Достоевский, хорошо знавший сына декабриста, Е.И. Якушкина, а впоследствии она нашла выражение в знаменитых формулах народников: «земля и воля» и «черный передел». Сам Е.И. Якушкин, оставивший заметный след в науке об «обычном праве», сразу после воцарения Александра II освободил крестьян своего смоленского имения, отдав им не только принадлежавшую ему землю, но и усадьбу со всем имуществом. Память об этом продолжала жить среди смоленских крестьян вплоть до 1917 года, когда они помогали потомкам Е.И. Якушкина спастись от голода.

Декабрист Иван Дмитриевич Якушкин

Отказавшись от предложения занять кафедру русской истории в Варшаве из-за несогласия с русификаторской политикой правительства Александра III в Польше, В.Е. Якушкин был вынужден сменить сферу деятельности. При этом он обратился к другой семейной традиции, непосредственно связанной с глубоким личным интересом к творчеству Пушкина и ко всей эпохе царствования Александра I. Хорошо известно о личном знакомстве декабриста Якушкина с Пушкиным, этот факт нашел отражение и в упоминавшихся «Записках», и в четверостишии из десятой главы «Евгения Онегина». Ближайший друг декабриста, П.Я. Чаадаев, был фактически воспитателем Евгения Якушкина, до зрелого возраста не знавшего своего отца, и сообщил своему воспитаннику чувство причастности к судьбе великого поэта. Страстный библиофил, Е.И. Якушкин всю жизнь собирал и распространял запрещенные цензурой произведения и свидетельства о жизни Пушкина и его современников. А его дети знали пушкинские стихи едва ли не с колыбели. В.Е. Якушкин впервые как специалист-текстолог изучил и описал рукописи Пушкина и Грибоедова, что составило его общепризнанную заслугу перед русской филологией.

Евгений Иванович Якушкин

За речь, посвященную столетию со дня рождения поэта, В.Е. Якушкин был выслан из Москвы, после чего посвятил себя в большей степени земской и общественной деятельности. Как ведущий публицист и соредaktor либеральной «профессорской» газеты «Русские Ведомости», он писал и публиковал и статьи по земельно-крестьянскому вопросу, и материалы исторического содержания, позже вышедшие отдельными изданиями. Эти материалы, написанные не только профессионалом-историком, но и политическим мыслителем и посвященные отдельным эпизодам и лицам российской истории: декабристам, крестьянской реформе, Суворову, Сперанскому, Аракчееву, Новикову, – были адресованы широкому кругу читателей и имели целью распространение исторических знаний и исторической культуры.

В преддверии революции 1905 года В.Е. Якушкин вместе со своими друзьями Д.И. Шаховским, братьями Долгоруковыми, В.И. Вернадским и другими стал основателем и членом ЦК партии «Народная Свобода», более известной под именем «кадетской». В 1906 году он был избран депутатом Первой государственной Думы от Курской губернии. Во время работы Думы он многократно выступал как оратор и докладчик от своей партии по земельному вопросу. После разгона Думы и подписания обращенного к населению России Выборгского воззвания В.Е. Якушкин был исключен из дворянства и подвергнут тюремному заключению. Пребывание в тюрьме было кратковременным, но вместе с крайним переутомлением и глубокой депрессией, вызванной общерусской политической катастрофой, сказалось отрицательно на его здоровье. После выхода из тюрьмы он тяжело заболел и в скором времени умер.

Слева направо: Евгений Иванович Якушкин с сыном Вячеславом и его женой

Один из редакторов газеты «Русские Ведомости», Владимир Розенберг, впоследствии высланный из России на «философском пароходе», писал, откликаясь на кончину своего коллеги и друга: «Ушел из жизни редкий человек: всегда и везде он был верен себе, оставался

все тем же – на университетской кафедре, и в земском собрании, и в своем скромном редакторском кабинете, и на шумном митинге, и среди прославленных ученых и литераторов, и в столовой голодающих мужиков, и на трибуне Государственной Думы, и в тесном тюремном каземате. Он был из числа тех немногих, про кого сказано: «блаженны чистые сердцем»... (Он) всем делом своей жизни запечатлел вечную память о себе в истории русской интеллигенции, борющейся в течение века за свободу мысли и свободу русского народа».

Существо исторических и социально-политических взглядов В.Е. Якушкина, во многом унаследованных от отца и деда, состояло в убеждении, что России предстоит двигаться по пути, намеченному Петром Великим, осуществляя синтез европейских и национальных начал. Этот синтез, которого достигла русская культура во главе с Пушкиным, к началу 20-го века еще предстояло (как предстоит и ныне, в начале века XXI) осуществить в политической сфере. Результатом должно было быть максимально полное раскрытие творческих сил, духовного потенциала народа и материальных возможностей страны.

Что касается способа достижения этой цели, то он может быть кратко выражен формулой: «не революция, но эволюция». Ныне этот лозунг, хотя и повторяется часто, но без должного понимания его смысла. Подобно своим друзьям, кадетам левого направления, В.Е. Якушкин считал, что эволюция должна вести Россию к демократическому, представительному правлению европейского типа, по возможности избегая тех тяжелых испытаний, которые несет народу не сдерживаемое государством развитие капитализма. До известной степени он сочувствовал народническим и социалистическим идеям «Земли и Воли», как и его единомышленник князь Д.И. Шаховской, писавший историку А.А. Корнилову в 1890 году: «Я социалист, прежде всего, в том смысле, что считаю каждого вправе пользоваться только продуктами собственного труда... Общинным институтам русского народа я придаю значение громадное».

Вместе с тем к В.Е. Якушкину не может быть отнесена критика в адрес народничества за то, что, видя в капитализме «врага № 1», народники относились с недоверием к демократическим идеалам. Гласность, конституция, всеобщее избирательное право были для Вячеслава Евгеньевича так же важны, как и наделение крестьян землей. И то, и другое он считал необходимым для процветания России, как мощного государственного организма с процветающим населением.

Подобно деду-декабристу, герою Бородина и Кульма, он был русским патриотом с определенной западнической ориентацией, наследником исторического дела Петра Великого и Пушкина, патриотом, остро сознающим несчастья и грехи своих соотечественников и органически не приемлющим патриотизм официальный в духе знаменитой формулы «самодержавие, православие, народность». Один из соратников В.Е. Якушкина по партии, объединявшей лучшую часть русской интеллигенции, писал в эпоху революции 1905 года: «В идее национальности видят или желают видеть воплощение реакции, как будто весь народ, стремящийся к утверждению своего суверенитета, может быть реакционен!... В действительности идея национальности не только аргумент против самодержавия, но и его прямая непримиримая противоположность; эта идея не может быть осуществлена ни кем иным, как только демократией».

* * *

В публикуемой работе, написанной на основе прочитанных ранее лекций, автор хотел кратко рассказать об общественной жизни и культуре России, используя исторические и историко-литературные труды своего прадеда В.Е. Якушкина и его коллег – известных историков, членов Кадетской партии П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, А.А. Корнилова, материалы семейного архива, а также оценки исторических событий и лиц, основанные на семейном предании и личном опыте людей старшего поколения. Эти оценки автор слышал, начиная с раннего детства, от своего деда И.В. Якушкина, его сестры О.В. Якушкиной и бабушки М.Ф.

Якушкиной, дочери умершего в эмиграции Ф.В. Татаринова – члена Кадетской партии, депутата Первой Думы, а после Февральской революции представителя Временного правительства в занятом русскими войсками г. Трапезунде.

Автор предполагает, что высказываемая точка зрения на историю русской общественной жизни и культуры представляет интерес для читателя как отправная точка для дальнейшего чтения и размышлений. В работе в числе прочих затронута тема об общественной жизни как социальном партнерстве, являющемся альтернативой социальной борьбы. Социальное партнерство особенно проявлялось в конце XVIII века – в эпоху Николая Новикова, в работе земских и городских учреждений, созданных реформами 1860-х годов, в деятельности благотворителей и меценатов на рубеже 20 века. Увы, ни в дореволюционной России, ни позже партнерских отношений между властью и обществом не возникло, что и привело ко многим трагическим последствиям.

Лекция 1

Культура и общественная жизнь. Особенности исторического пути России

Человеческое сообщество есть часть биосферы земли, и потому его существование подчиняется природным закономерностям. Социальная жизнь также частично управляется стихийными, мало зависящими от воли людей силами. Вместе с тем, в отличие от других природных существ и организмов, люди строят свою жизнь в соответствии с определенными, сознательно введенными установлениями и нормами. Эти установления тесно связаны с тем, что мы называем культурой. Слово «культура» в переводе с латинского означает «возделывание» или «почитание». Первое значение указывает на связь с земледелием, с выращиванием растений, которые мы неслучайно называем «культурными». Для культурных растений, в отличие от дикорастущих, должна быть создана особая среда, т. е. природа должна быть благоустроена.

Параллель между жизнью человека и земледелием была осознана античностью и составляла содержание Елевсинских мистерий – главного религиозного таинства Древней Греции. В человеческом обществе культура есть также благоустройство среды существования, что подразумевает определенное понятие о благе. Это понятие исходит из более широкого во времени и пространстве представления о жизни, чем у природного существа, и связано, прежде всего, с культом, религией. Отсюда второе значение слова «культура» – почитание высшего начала, ценностей, единых для некоторого сообщества людей.

В процессе жизни окружающая человека среда осваивается, границы ее расширяются, человек ее обживает. Обжитая среда защищает людей от одиночества, страха, неизвестности и пугающей близости смерти, которые всегда граничат с жизнью. Ощущение бездны, находящейся за пределами культурного бытия, хорошо передано И.А. Гончаровым через образы «оврага» в романе «Обломов» и «обрыва» в одноименном романе. Культура создает защищенное пространство, где возможно более или менее свободное движение. Например, такой культурный феномен, как одежда, и защищает нас, и дает нам возможность в какой-то степени менять внешний облик.

Но на самом деле то, что окружает человека, есть единство материальной и духовной среды. Человек живет не только в материальном, но и в духовном мире, который создается памятью, размышлением, воображением. В связи с этим следует вспомнить слова апостола Павла о том, что задача человеческой жизни есть «домостроительство», под которым в первую очередь понимается возведение духовной постройки.

Духовный мир человека не может существовать без языка, без слова. Слово необходимо и для того, чтобы человек мог пользоваться вещами, предметами материальной среды. Язык, слово, или по-гречески «*логос*» (называя «слово» греческим именем, мы подчеркиваем его смысловую сторону, а не звуковую оболочку), по существу есть синоним культуры. Именно со словом связано выявление особой сущности человека, отличающей его от других живых существ. Поэтому не зря Евангелие от Иоанна начинается утверждением: «В начале было Слово. И Слово было Бог».

Как же функционирует культура в человеческом обществе? Знаменитый англо-американский поэт Т.С. Элиот предлагает, в первую очередь, различать культуру отдельного человека, культуру социальной или профессиональной группы, культуру определенного народа. Наиболее важным является понятие культуры народа, связанного относительным единством государственной и общественной жизни. Каждый народ формирует свою культуру, включающую труд над созданием материальной и духовной среды и почитание высших ценностей.

Такая культура возникает в процессе исторического развития, несет в себе память о прошлом, и только она может быть основой будущего.

Что же, в первую очередь, объединяет представителей одного народа? С абсолютной уверенностью можно утверждать, что это единый язык – главный компонент общей для многих людей духовной среды, в которой люди существуют и граница которой осуществляет деление на «своих» и «чужих». Существование «без языка», как хорошо показано в известной повести В.Г. Короленко, становится для человека трагедией. Вместе с тем язык становится сокровищницей памяти, хранителем предания, расширяющего жизнь отдельного человека почти безгранично в прошлое, делающего его причастным судьбе предков. Вчитываясь и вслушиваясь в предания, обращаясь к истории слов, мы раскрываем для себя культуру, в которой живем, как историю. Язык создает своего рода огромное пространство, в котором каждый ищет свои пути.

Можно ли говорить о различных ступенях культурного развития общества, народа? Укажем на два свойства высокой культуры. Во-первых, она должна иметь определенное лицо, которое выражает ее внутреннее содержание. Лицо культуры проявляется как в представляющих ее личностях и общественных институтах, так и в культурных текстах, воплощенных в слове, звуке, изображении. Так, лицо христианской культуры выражено в Библии, сочинениях отцов церкви, классических произведениях литературы, музыки, изобразительных искусств. Во-вторых, высокая культура должна быть способна к пониманию иного, к диалогу. В основе любой культуры лежит определенный диалог с природой или с высшим началом – Богом, но, тем не менее, эта способность свойственна культурам в разной степени. При этом именно язык есть одновременно и то, что придает народу индивидуальность, и то, что дает возможность понимать чужое. Что касается общения между народами, то оно возможно в силу общечеловеческого содержания, скрытого под оболочкой разных языков, хотя и требует преодоления значительного барьера. Поэтому важнейшим даром, полученным Апостолами от св. Духа после Вознесения Христа, был дар «языков», т. е. способности преодоления этого барьера.

Каждый объединенный происхождением или жизненными интересами человеческий коллектив создает свой вариант национальной культуры. Духовный мир отдельного человека формируется в результате освоения культурно-языкового пространства, которое предлагает ему общество. Культурным можно назвать того, кто способен понимать окружающее, а не только использовать его в эгоистических целях, а также способен выразить и сделать понятным для других то, что принадлежит его собственному внутреннему миру. В этом культура отдельного человека повторяет в суженном варианте культуру народа, с ее проблемами «понимания чужого» и выражения «своего».

Поведение человека регулируется или жесткой системой правил (законов), за соблюдением которых следят властные структуры (роль которых могут играть род, семья и, в первую очередь, государство), или пониманием свойственных данной культуре ценностей. В каждом духовно-языковом пространстве существует определенный ценностный «каркас» из фактически обязательных ответов на вопрос о том, как себя вести в определенной ситуации. Нарушение этих правил вызывает всеобщее осуждение и возможно только для представителей маргинальных групп.

Из античной истории нам известно не только противопоставление культуры и природы, но также – цивилизации и варварства. В варварском обществе большинство ответов на возможные вопросы запрограммировано. Диалогичность высокой культуры ведет к тому, что она предоставляет человеку жизненные альтернативы, допускает разные ответы на один и тот же вопрос. Появление альтернатив связано с созданием новых ценностей, что мы и наблюдаем в деятельности мыслителей и художников, работающих в той сфере, которую мы называем «культурой» в узком смысле этого слова. В создаваемых ими произведениях возникают новые модели, регулирующие человеческое поведение.

По словам замечательного американского лингвиста Эдурда Сэпира, «подлинная культура представляет собой выражение в высшей степени вариативной и все же в некотором смысле единой и последовательной жизненной установки, в соответствии с которой значимость любого элемента цивилизации видится в отношении его ко всем остальным элементам».

При этом необходимо учитывать возможные расхождения в иерархии ценностей у различных социальных, национальных и возрастных групп, а иногда и у отдельных людей, что естественно для развитой, богатой альтернативами культуры. Для согласования этих альтернатив разворачивается общественная жизнь, реализующая свободный выбор человека. Само по себе понятие свободы оказывается очень сложным и служит предметом многочисленных обсуждений и споров. С одной стороны, существует свобода от внешнего принуждения, от излишних, в том числе и следующих из культурной традиции, запретов. С другой стороны, полная свобода от запретов, ведет к разрушению социальных основ бытия, к полной зависимости от природного начала и, в конечном счете, к той же несвободе.

Еще Аристотель, а после него английский философ XVII века Шефтсбери отмечали огромную социальную роль общения и возникающей как его следствие дружбы. Феномен общественной жизни возникает из общения, и в ее процессе человек взаимодействует с отдельной социальной, национальной, религиозной группой, а группы взаимодействуют между собой. Это взаимодействие основывается на стремлении убедить, объяснить, но не на принуждении или насилии, на котором часто основываются действия государства или отдельной личности. Если в частной жизни человек отстаивает свои интересы, если государство стремится подчинить их интересам целого, то в «нормальной» общественной жизни мы наблюдаем и стремление к согласию, и определенную самостоятельность каждого из участников диалога.

Динамика культуры проявляется в том, что в процессе общественной жизни и человек, и отдельная группа людей могут вносить изменения в систему ценностей. По словам Э. Сэпира, «любое глубокое изменение в поступательном движении цивилизации, в особенности любое преобразование ее экономических оснований, сопровождается тенденцией к расшатыванию и трансформации культурных ценностей... Здоровая национальная культура никогда не является пассивно воспринятым наследием прошлого, а, напротив, предполагает активное творческое участие всех членов сообщества».

Чтобы в процессе общественной жизни развитие культуры происходило без разрыва с традицией, общество создает особые институты, прежде всего связанные с религиозным культом. Сохранение традиции в жизни общества олицетворяет храм – национальная или межнациональная святыня. Динамическая сторона культуры олицетворяется в рынке – месте, где происходит наиболее интенсивное общение людей между собой. В древних Афинах холм Акрополь, где находились храмы, и рыночная площадь – агора – представляли две стороны греческой культуры. В древнем Новгороде также существовало равновесие между соборной и торговой сторонами.

В исторической жизни людей, однако, играют роль не только отношения, основанные на культуре, диалоге. Другой ее стороной является принуждение и насилие одних народов, социальных групп и отдельных личностей по отношению к другим личностям, социальным группам, народам. Иногда это насилие проявляется в виде навязывания, предписывания определенных форм культуры. Тем самым происходит нарушение «мирной» жизни, гармонизирующей отношения между людьми и их отношения с природой, ломаются культурные традиции.

Конфликты между социальными группами – носителями разных систем ценностей приводят порой к тому, что попытки придти к общественному согласию и выработке общенационального культурного идеала сменяются «общественной борьбой». Это может приводить к крутым изменениям общественного устройства, осуществляемым через реформы, а иногда и через революции. Последние производят страшные потрясения в обществе, сопровождаются многочисленными жертвами и порой кардинально меняют глубинный характер культуры.

Столкновения с окружающей общественной средой могут возникать и у отдельных представителей общества. Классический пример этого в условиях античной демократии – процесс против философа Сократа, обвиненного в неуважении к народному преданию и его казнь. Необходимо иметь в виду и такие ситуации, когда власть предписывает изменить жизненные нормы, а общество вступает с нею в конфликт, отстаивая традицию.

Развиваясь, цивилизации разворачивает все более разнообразный спектр общественной жизни. Создаются общественные организации, политические, культурные, благотворительные, способствующие диалогу и взаимодействию различных групп и коллективов. Так, постепенно развиваясь, партнерская и протестная общественная жизнь приводит к гражданскому обществу, создающему возможность для свободы отдельных групп и личностей при условии уважения к основной массе населения. Гражданское (открытое) общество само создает механизмы своего регулирования – например, такие, как партии, парламент, местное самоуправление, независимый суд, гласность, профсоюзы.

Существует, однако, еще одна опасность, связанная с развитием цивилизации, благоустраивающей среду, обеспечивающей социальным группам и человеку относительный комфорт и свободу поведения в рамках необременительного культурного каркаса: «разрешено все, что не запрещено». При этом подлинная глубинная культура отодвигается на второй план, ей отводится роль некоторого украшения, не связанного органически с «жизнью», она становится «массовой». Исторический процесс приводит к тому, что многое утрачивается, другое живет только формально, утерев свой смысл. Так, многие жители индийских деревень знают наизусть огромные отрывки из древних эпических поэм, но не могут объяснить их содержание. Так и европейские люди забыли первоначальный смысл используемых в быту вещей и исполняемых обрядов. От них скрыта подлинная «вещность вещи», о чем многократно писал великий философ XX века М. Хайдеггер.

Конечно, каждая культурная эпоха стремится залечить раны, создать целостную культуру путем творчества нового, однако это новое также прорастает из старых традиций и не может быть без них понято. Все это говорит о том, что необходимо изучать культуру прошлого, разбираться в ее сложных, подобных геологическим слоям, напластованиях.

Датский философ Серен Кьеркегор, своими прозрениями близкий Достоевскому, писал: «Если бы не было священных уз, соединяющих человечество воедино, если бы одно поколение вырастало вслед за другим подобно новым листьям в лесу, если бы человеческий род проходил по свету, не оставляя следа, как корабль, скользящей по воде, или как ветер, мчащийся по пустыне, если бы вечное забвение всегда подстерегало свою добычу, – как безутешна и пуста оказалась бы тогда жизнь».

* * *

Изучая культуру определенного народа, в том числе русскую культуру, естественно выделить исторические периоды, большие эпохи, отмеченные определенным единством. Для русской общественной жизни и культуры можно выделить несколько таких периодов:

1. VI в.н. э. – конец X века – период языческой земледельческой культуры восточных славян, завершившийся созданием единого государства – Киевской Руси.

2. XI–XVII века – период древнерусской культуры, начавшийся с Крещения Руси при князе Владимире (конец X века). Этот период отмечен значительным влиянием Византии и является периодом освоения восточного христианства (православия).

3. Начало XVIII века – наше время – период европеизации, «обмирщения» русской культуры, начавшийся после реформ Петра Великого.

Кроме событий, служащих границами между указанными периодами, огромное значение также имели: перенос центра русской государственности на север в середине XII века, возник-

новение самодержавия в XV веке, реформы Александра II в середине XIX века, революция 1917 года и крушение коммунистического режима в 1991 году. Смена исторических периодов сопровождается также сменой важнейших тенденций к консолидации и разъединению славянского населения Восточной Европы. В XIII–XIV веках, в XVII веке, в XX веке жесточайшие кризисы ставят под угрозу само дальнейшее существование народа, его государственности и культуры. Возрождение после кризиса связано с последующими попытками изменить и реформировать структуру общества.

Отмеченные переломные моменты в истории России характеризуются двумя особенностями. Во-первых, эти переломы связаны с усвоением некоторых внешних влияний: влияния Византии и сопредельных ей стран в древнерусский период и влияния Западной Европы в последующее время. Во-вторых, крутые изменения в политике и культуре происходили по инициативе правящей верхушки общества – «правительства» и, в первую очередь, главы государства, князя, царя. Эти особенности предопределили затруднения при усвоении новых идей русским народом.

Каждый новый исторический период приводил к смене сословий, выступающих в качестве общественных и культурных лидеров. В начальный период русской истории роль культурного лидера выполняет земледельческое (крестьянское) сословье, которое именно тогда, в основном, создает здание русского фольклора и народного искусства. Выход из кризисов, возникавших в период татаро-монгольского нашествия и в Смутное время, был найден благодаря деятельности, в первую очередь, духовного сословья. В начале XVIII века роль лидера принимает на себя служилое сословье – дворянство. Оно остается в этой роли вплоть до середины XIX века, когда ему на смену приходит смешанное сословье горожан (разночинцев). Это сословье, хотя и во многом изменившееся, определяло культуру в XX веке и продолжает определять ее сегодня.

Таким образом, сформировались существующие и донныне три основные пласта русской культуры: древняя культура славян, связанная с почитанием природы (земли) и ее возделыванием для обеспечения продолжения рода; греко-христианская культура, ориентированная на незримые ценности и труд духовного домостроительства; и гуманистическая культура западноевропейского типа, ставящая во главу угла почитание человека как носителя образа Божия и созидание «земного града».

Происходившее на протяжении всей истории России общение с Востоком, с народами иранского, тюркского, угро-финского, монгольского происхождения также наложило отпечаток на русскую культуру, что позволяет иногда говорить об ее евразийском характере.

Греческое, западноевропейское и восточное влияния сказались и на судьбе русского языка. По мнению И.С. Тургенева, именно языку удалось сочетать различные культурные пласты в единое органическое целое. Позднее об особом значении языка в русской истории и культуре писал О.Э. Мандельштам: «Жизнь языка в русской исторической действительности перевешивала все другие факты полнотою бытия, представлявшей только недостижимый предел для всех прочих явлений русской жизни». К сожалению, в быту и в политической жизни такого единства не возникло. Культурные сдвиги по-разному сказались на судьбе различных сословий и предопределили их разобщенность. Процесс взаимодействия различных вариантов культуры продолжается до сих пор, что делает все происходящее в русской культуре особенно живым и волнующим.

Бросая взгляд на русскую культуру в целом, нельзя уйти от вечного вопроса о сходстве и различии России и Европы, волновавшего Пушкина, Чаадаева, Герцена, Бердяева. Общность судьбы Европы и России определяется тем, что сходные между собой языческие культуры, германская и славянская, испытали сильное воздействие более высокоразвитой средиземноморской культуры и приняли одинаковую религию – христианство. В то же время дальнейшие судьбы Европы и России указывают на глубокие различия между ними. История Европы отме-

чена бурно протекающими внутренними процессами – борьбой народов и социальных групп за свои права, свободу, культурное и политическое лидерство. Результатом этого явилась высокая дифференциация культуры, развивавшейся во множестве сходных, но различных форм и, наконец, выработавшей единое понятие о правах и достоинстве отдельной личности. Это понятие помогло создать «культурный каркас», определяющий поведение человека, принадлежащего западной цивилизации (гражданскому обществу).

У восточных славян уже в ранний период истории, как отмечал В.О. Ключевский, заметно связанное с освоением новых земель экстенсивное развитие вширь, что приводило к разобщенности населения. С другой стороны, единство русской земли возникало как следствие необходимости защиты от вражеских нашествий. «Это Россия, это ее необъятные просторы поглотили монгольское нашествие, – писал Пушкин. – Они (монголы) отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена». Несмотря на огромную протяженность, на то, что Россию называют «страной стран», духовная и языковая близость ее отдельных частей – беспрецедентна. Среди жителей Севера до сих пор живет память о легендарных подвигах киевских богатырей, защитников родной земли – Ильи Муромца и его товарищей. Единству населения во многом способствовало пребывание мужчин в составе единого войска.

Для защиты от внешнего врага необходима была единая власть с достаточно высоким авторитетом среди населения. Однако этот авторитет сочетался с удаленностью власти, с тем, что люди плохо понимали ее реформационные порывы. Общая подчиненность власти сочеталась с глубоким к ней недоверием. Внутренняя жизнь России в течение веков оставалась заторможенной, понятие о свободе и достоинстве личности почти не выработалось, сословья и отдельные социальные сообщества остались разделенными между собой и одновременно слабо сплоченными внутри себя. На границе социальных, национальных и культурных сообществ возникали и возникают маргинальные группы, фактически не признающие господствующих в народе ценностей.

Наряду с этим в русской культуре присутствует нечто, что служит важным дополнением к культуре европейской, и что всегда привлекало многих великих представителей последней. Это особый характер контакта человека русской культуры с внешним миром, который определяется не установленными правилами, не «культурным каркасом», но живым непосредственным диалогом. Разобщенность населения требует неформального общения с соседом или с тем, кто случайно встретился на дороге и может оказаться как другом, так и врагом. С этим связано и гостеприимство русского человека, роднящее его с человеком Востока и отличающее от современного человека Запада.

Особая диалогичность русской культуры, присутствующий в ней интерес к другому человеку (собеседнику), во многом связаны и с особенностями русского языка, в котором великий поэт XX века Иосиф Бродский видел вечную возможность другого решения: «Это не аналитический английский с его альтернативным или/или – это язык придаточного уступительного, зиждущийся на «хотя». Любая изложенная на языке этом идея тотчас перерастает в свою противоположность, и нет для русского синтаксиса занятия более увлекательного и соблазнительного, чем передача сомнения и самоуничужения».

Выразительнейшим образом сравнил русского и европейца М.Е. Салтыков-Щедрин, описывая разговор немецкого «мальчика в штанах» с русским «мальчиком без штанов». Русский мальчик живет в системе, где на все есть жесткие правила, но не склонен их исполнять. Европейский мальчик строго выполняет правила, которые не кажутся ему обременительными. «Отчего ты так скучно говоришь?» – спрашивает немца русский мальчик. Сам он говорит «весело», внося в разговор индивидуальные ноты, что по его мнению обязательно в России и чего он требует от собеседника. В коротком диалоге писатель удивительным образом показывает противоречивую суть русской культуры в ее противостоянии европейской и невозмож-

ность их полного сближения. В этом смысле надо понимать печальные слова поэта советского периода Давида Самойлова: «Россия одинока в мире».

С наибольшей отчетливостью проблему антиномичности «души России» сформулировал философ первой половины XX века Николай Бердяев. Обращаясь к произведениям Достоевского, он писал: «Бесконечная любовь к людям по истине Христова любовь сочетается с членоконенавистничеством и жестокостью. Жажда абсолютной свободы мирится с рабьей покорностью. Не такова ли и сама Россия?».

Лекция 2

Славянское язычество и культура земледельческого населения Руси

Первоначальным источником русской культуры была культура восточных славян, память о которой до сих пор жива в русском, украинском и белорусском фольклоре и народном искусстве. По мнению академика Б.А. Рыбакова, славяне (или точнее – протославяне) выделились из массы других народов в конце второго тысячелетия до н. э. Славянские языки наряду с индийскими, иранскими, греческим, италийскими, германскими, балтийскими относятся к многочисленной индоевропейской группе.

Земледельческая культура восточных славян, которая на протяжении многих веков складывалась на территории Восточной Европы и окончательно сложилась в VI–X веках н. э., как любая языческая культура была основана на почитании природных сил. Духовная жизнь определялась, в первую очередь, осмыслением суточного и годового солнечного циклов и теснейшим образом соотносилась с календарем. В славянской культуре особенно отчетливо прослеживается переживание смены времен года, жизненно важное для обитателя русской равнины и тем более для земледельца.

В каждой религиозной культуре можно различать миф, обряд и ее влияние на быт, т. е. повседневность. Такое разделение иногда искусственно из-за слитности указанных компонентов, но в большинстве случаев оно оказывается полезным. Не углубляясь в различные трактовки мифа, будем связывать с этим понятием существо представлений человека о причинах наблюдаемых им жизненных явлений, которые рассматриваются как следствие и повторение первоначальных мифологических событий. Такие события, как рождение божества, его борьба с врагами, победы и поражения, принадлежат сразу и времени (они произошли когда-то), и вечности, т. е. постоянно воспроизводятся течением жизни.

Главный, основополагающий миф земледельческих народов дает истолкование смены дня и ночи, т. е. света и тьмы, лета и зимы, т. е. тепла и холода (для южных народов смена сухого и влажного сезонов). Путь солнца по небосводу, от которого зависит существование человека и окружающей его природы, представляет собой главный сюжет космогонического мифа древних славян, как его можно реставрировать по различным материалам (изображения на вышивках, прялках, посуде, фольклор и т. д.). Весь мир, по мнению ученых, представлялся человеку состоящим из четырех частей: небесная твердь, воздушное пространство, земля и подземный мир. Такое деление наблюдается и в мифологии других народов; возможно, оно появляется в результате совмещения двух тройных делений (небо, земля, подземный мир – и небо, воздух, земля). Повторяя свой путь по небесной тверди или в воздухе, солнце погружается в подземное царство, где вступает в борьбу с его властителем – драконом или змеем. Подземный змей хочет поглотить солнце или пленить его, обратив в подземное светило. Последнее событие периодически совершается зимой. Тема змееборчества многократно повторяется в сказках, легендах, былинах славянских и других народов. Солнечный миф становится прообразом или образцом для множества других событий, включая засуху или нашествие врагов. Борьба солнца и его антипода происходит вновь и вновь, как борьба жизни и смерти, порядка и хаоса, добра и зла.

Славянское сознание связывает с солнцем два образа. Один из них – солнечный всадник Дажьбог. Внуками Дажьбога называет славян автор «Слова о полку Игореве». С почитанием Дажьбога у славян, как и у их южных кочевых соседей, связывался культ коня, также иногда понимавшегося как воплощение солнца. (Голова коня на крыше (коньке) крестьянского дома есть один из типов солярного, солнечного знака). Другое представление о солнце, сформиро-

вавшееся у более северных племен, воплощалось ими в образе бога Ярилы, покровителя роста растений и всех проявлений производительной силы. Культ этого бога хорошо показан в пьесе А.Н. Островского «Снегурочка» и опере Н.А. Римского-Корсакова с тем же названием.

Как можно предположить, по представлениям древних славян над небесной твердью находятся хранилища влаги, проливающейся на землю в виде дождя. Иногда эта влага ассоциировалась с молоком, проливающимся из вымени коров, пасущихся в небесных стадах, или из груди небесных (облачных) дев. Уже в недавнее время эти представления, соединившись с христианскими, подсказали Сергею Есенину строки: «Богородица, накинув синий плат, у облачной околицы скликает в рай телят». Распорядителями дождевой влаги могли быть или богини – покровительницы всего рождающего и рождающегося, или бог-громовник (у славян – Перун), также борющийся со стремящимся овладеть дождевыми стадами змеем.

Космогонический славянский миф отразился во многих сохранившихся до наших дней мотивах, характерных для народного изобразительного искусства. Попытка довольно полно интерпретировать мотивы русских вышивок была предпринята академиком Б. Рыбаковым в его книге «Славянское язычество». Среди типов орнамента, в первую очередь, можно выделить ромбический узор в разных вариантах, соотносимый со знаком земли. Волнистая линия интерпретируется как знак воды, условные изображения птиц – как знак воздушного пространства. Очень важен солярный знак – колесо (разделенный линиями круг). Многократно изображенное катящееся колесо образует линию «бега времени». Подобные изображения можно найти также на прялках и посуде.

Центральное место на большинстве традиционных вышивок занимает композиция из трех фигур, которую условно называют «встречей весны». В середине композиции женская фигура с поднятыми руками и другими атрибутами. Это скорее всего богиня плодоносящей земли (Макошь или Мокошь, т. е. «мать урожая»). По обе стороны от нее располагаются две симметричные фигуры. Чаще всего это две всадницы, иногда составляющие одно целое с лошадью, но возможны и мужские фигуры всадников. Иногда это женщины-птицы, напоминающие обликом известные по рукописям изображения райских птиц – Сирина и Алконоста. Эти фигуры можно связать с небесными богинями, хранительницами влаги и покровительницами рождений. У славян они назывались роженицами и, по-видимому, к ним относятся часто упоминаемые в обрядовых песнях имена: Лада и Леля. Парные богини, покровительницы земледелия или охоты, известны нам и по греческой мифологии (Деметра и Персефона, Лето и Артемида). Матери-оленихи, живущие на небе и следящие за приплодом земных животных, почитаются народами Урала и Сибири.

Память об этих божествах почти стерлась в сознании русского крестьянина в последние века, хотя их изображения продолжали воспроизводиться. Часть прежних языческих богов отождествилась с христианскими пророками или святыми, как бы поставленными от Бога смотрителями природных сил. Илья Пророк стал повелителем грозы, Георгий Победоносец – пастырем животных, Параскева-Пятница – покровительницей источников и т. д. Сама земля до известной степени отождествилась с Богородицей. В то же время народ долго сохранял культ самих природных стихий: воды, огня и, в первую очередь, земли, называя ее «мать – сыра земля».

В системе ценностей древнего славянина, а впоследствии жителя России культ Земли, воспринимавшейся как Мать и Кормилица, занимал особое место. Впоследствии идея Матери-Земли преобразуется в идею родной земли, Родины, расположенной между «Диким полем» – степью, населенной воинственными кочевниками, – и глухими лесами Севера. В опере Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» величайший грешник – Гришка Кутерьма, не решаясь обратиться со словами раскаяния к Богу, обращается с ними к Матери-Земле, более снисходительной к своим детям. «Власть земли» над душой

русского крестьянина, о которой много писал Глеб Успенский, фактически сохранялась до недавних времен.

Наряду с космогоническим мифом и в тесной связи с ним существует также культурный миф, повествующий о героях, т. е. людях, повторяющих подвиг Солнечного Бога – змееборца и приносящих благо своему народу. Прекрасно сохранившийся образец культурного мифа можно найти в финском эпосе «Калевала». Славянский культурный миф до известной степени может быть реставрирован по сказкам, былинам и другим фольклорным источникам.

Русские волшебные сказки, как правило, повествуют о путешествии героя: Ивана-царевича, Иванушки-дурака, Покати-Гороха и т. д. – в некоторое удаленное царство, где властвует зло, например, в образе Кощея Бессмертного, где герой освобождает прекрасную царевну и достает приносящее благо людям сокровище: молодильные яблоки, Жар-птицу и др. Подобно богу-солнцу, он совершает путешествие на «тот свет», т. е. в подземный мир или царство смерти. Побеждая властителя этого царства и возвращаясь оттуда, он вырывает у смерти одну из ее тайн и ограничивает сферу ее владычества. Сказочный герой всегда чувствует около себя дыхание смерти, но жизнь и добро оказываются сильнее. Интересно проследить, какие качества оказываются необходимыми герою для благополучного возвращения. Наряду с мужеством и физической силой это удачливость или счастье, т. е. своеобразная «солнечность» героя, которому покровительствуют все благие силы. Это покровительство и сопровождающая героя удача зависят также от его социальной позиции, которая определяется готовностью помочь, а также просто благожелательным вниманием к любому встречному. Активная доброжелательность, что по сути дела и есть культура, привлекает на сторону героя волшебных помощников, без которых он ничего не мог бы поделаться. К числу таких помощников относится «серый волк», это может быть скрытый под образом нищего волшебник, но иногда помогает и неодушевленный предмет или дерево. Можно сказать, что здесь формулируется одна из главных ценностей русской культуры, хорошо выраженная в словах героя романа А.К. Толстого «Князь Серебряный»: «Русский человек добро помнит». Конечно, эта ценность присутствует не только в русских сказках, но в России пока еще в большей степени чувствуется живая сила древней культуры. Странствование по необъятным степным или лесным просторам всегда были характерны для обитателя русской равнины, и в этих странствованиях необходимо было сочетать настороженность с дружелюбием.

Художественное впечатление, которое производят русские сказки, усиливается при их восприятии циклами. Тогда читателю или слушателю раскрывается целый мир, населенный естественными и сверхъестественными персонажами, живущими по определенным законам вечной борьбы света и тьмы, добра и зла. Среди этого мира герой сказок – путник, странствователь, чей путь – человеческая жизнь, наделенная чертами естественности и в то же время полная неожиданностей, понимаемых как чудесное.

Надо сказать, что иногда в образе русского сказочного героя, Ивана-дурака или Емели, видели пассивность, леность ума, расчет на «авось», связывая с этими чертами «специфически русское мировоззрение». Но, как отмечает проницательный знаток фольклора А. Синавский, во-первых, это черты, свойственные интернациональному сказочному герою, во-вторых, пассивность сочетается с особой «открытостью» Ивана, с его готовностью откликнуться на любое явление, которое может оказаться явлением истины.

В русском былинном эпосе легко различаются три пласта: предания о старших богатырях, киевский цикл и новгородский цикл. В наибольшей степени мифологичны былины о старших богатырях: Святогоре, Микуле Селяниновиче и Волхе (Вольге) Всеславиче. Святогор – это стихийная сила, отлившаяся в человеческий облик, герой, в котором много природной мощи, но явно не хватает организующего начала. Он не приносит зла, но не способен и на благое дело. В конце концов, земля берет назад к себе этого неудавшегося богатыря. В полной мере культурными героями предстают два другие старшие богатыря. Микула Селянинович –

великий Пахарь, в отличие от Святогора, находящийся в идеальном союзе с землей. Ни его соху, ни суму, в которой заключена «тяга земная», не может поднять никакой другой богатырь. Этот образ дает высшее мифологическое и поэтическое выражение народной мысли о том, что именно пахарь-земледелец несет на себе главную тяжесть земного жребия. Эта мысль смыкается с библейской мыслью о добывании хлеба насущного, как первой задачей, поставленной перед человеком высшей силой. Князь и воин Волх Всеславович представляет собой другой тип культурного героя. Это хитроумный вождь, подобный гомеровскому Одиссею, только более удачливый.

Важнейшей частью религиозной культуры является обряд (ритуал), теснейшим образом связанный с мифом и как бы вовлекающий каждого человека в продолжающееся совершаться мифологическое действие. Ритуал закрепляет союз человека с Богом, основанный на событиях, отраженных в мифе. Поэтому ритуальное действие всегда предполагает присутствие божества, это есть прерывающее повседневность чудо встречи человека и его покровителя. Оно включает в себя некоторый игровой элемент – разыгрывание первоначального мифологического события, молитву и жертвоприношение, выражающие почитание высшей силы. В ритуале часто присутствует также элемент магии, т. е. заклинания, вынуждающего высшую силу к необходимым для человека действиям. Жертвоприношение, молитва и игра образуют одно общее усилие, которое человек и силы блага совершают, чтобы восторжествовать над силами зла, смерти, болезни, засухи, голода, над враждебной или полу враждебной человеку «нечистой силой».

У земледельческих народов особенно ясно видна связь ритуала с календарем. Осознание смены времен года и различных сезонов, конечно, совершенно необходимо для сельского хозяйства, ведение которого возможно, только если строго выполняются сроки сева, обработки и уборки большинства растений. Вместе с тем в критические моменты сельскохозяйственного года человек естественно обращается к божеству или божествам, чтобы упросить или заставить их способствовать росту растений и урожаю.

Наконец, немалое значение имеет задаваемое календарем чередование периодов напряженного труда, с периодами, приносящими не столько отдых, сколько огромную эмоциональную разрядку, благодаря особой свободно-игровой праздничной атмосфере.

Русский народный календарь, не забытый и поныне, сохранил в себе много языческих праздников и обрядов, но, конечно, испытал на себе огромное влияние христианства. Центральное событие – встреча со сверхъестественным, переместилось в церковь, а языческое действие за околицей села приобрело в основном игровой характер. Все же еще столетие или тем более два столетия назад древнее языческое содержание различных обрядов было достаточно живо. Об этом можно судить хотя бы по «Вечерам на хуторе близ Диканьки» Гоголя или менее известным романам Сергея Клычкова, местом действия которых оказывается район Дубны в Подмосковье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.